

С. Т. Гибсон

18 +

Кровавое приданое

Вечная невеста. Вечная жертва.

Лучшие мировые ретеллинги

С. Т. Гибсон

Кровавое приданое

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)6-44

Гибсон С.

Кровавое приданое / С. Гибсон — «Эксмо», 2021 — (Лучшие мировые ретеллинги)

ISBN 978-5-04-186606-8

Ретеллинг "Дракулы"! Книга для поклонников Мадлен Миллер, Дженнифер Сэнт и Энн Райс. История графа Дракулы, поведанная его невестой. Книга, которая позволит по-новому взглянуть на культового персонажа и легендарнейшего вампира всех времён. Пересказ классических историй от женского лица — модный тренд. Бестселлер New York Times. Красивейшая обложка популярной художницы Djuneу9 (больше 25 000 подписчиков в ВК). Роман по достоинству оценили русские книжные блогеры. Это моё последнее любовное письмо к тебе, хотя некоторые назвали бы его признанием... Когда таинственный незнакомец спасает Констанцу от смерти, ей кажется, что она обрела своё «долго и счастливо». Она была средневековой крестьянкой, а становится невестой бессмертного. Госпожой его сердца и владычицей его замка. Возлюбленной сильнейшего из вампиров – Дракулы. Но со временем Констанца понимает: её втянули в паутину страсти и лжи, а её избранник способен на ужасные вещи. И когда Констанце откроются его тёмные тайны, ей придётся выбрать между любовью и свободой. А узы, сплетённые кровью, могут быть разорваны только смертью...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)6-44

ISBN 978-5-04-186606-8

© Гибсон С., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Примечание автора	7
Часть первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	30

С. Т. Гибсон

Кровавое приданое

*Посвящается тем, кто бежал от любви, подобной смерти,
но все же попался в ее когти:
вы главные герои этой книги.*

S.T. Gibson

A DOWRY OF BLOOD

Copyright © 2021 by S.T. Gibson

Перевод с английского *Дарьи Ириновой*

© Д. Иринова, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Примечание автора

В этой книге затрагиваются непростые темы, и я хочу предоставить читателям выбор самим решать, хотят ли они ее читать, а потому составила список тем, содержащихся в ней.

В «Кровавом приданом» описывается:

- эмоциональное, вербальное и физическое насилие над половым партнером;
- газлайтинг¹;
- война, голод и чума;
- кровавые сцены;
- сцены секса по согласию;
- садомазохизм;
- селф-харм²;
- боди-хоррор³;
- жестокость и убийства;
- употребление алкоголя;
- депрессивное и маниакальное поведение.

Также есть упоминания:

- сексуального насилия (над персонажами, не упоминаемыми в книге по имени);
- употребления наркотиков;
- утопления.

---

¹ Обесценивание слов, переживаний и поступков другого человека, в результате чего жертва начинает чувствовать себя беспомощной и неуверенной в себе.

² Несуицидальное самоповреждение.

³ Поджанр ужасов в кино и литературе. Типичные мотивы – гниение тела, мутации, превращения и эксперименты над ним.

Часть первая

Я никогда не думала, что все закончится так, мой господин: что твоя кровь брызнет на мою ночную рубашку и ручейками потечет по полу нашей спальни. Но подобные нам живут долго. И в этом мире больше нет ужаса, который смог бы меня поразить. В какой-то момент даже собственная смерть начинает казаться в некотором смысле неизбежной.

Я знаю, ты любил нас всех – по-своему. Магдалену за ее великолепие, Алексея – за милость. Но я стала тебе невестой во время войны, стала твоей верной Констанцией, и ты любил меня за волю к жизни. Ты вкрадчивыми речами извлек из меня это упорство и раскрошил его в руках, оставил меня лежать на столе своей мастерской, словно иссушенную куклу, пока готовился к тому, чтобы меня починить.

Ты любовно наполнил меня своими наставлениями, зашил мои раны нитями своего любимого цвета, научил меня ходить, говорить и улыбаться так, чтобы тебе это нравилось. Сначала я была очень счастлива в роли твоей марионетки. Очень счастлива, что ты выбрал меня.

Я хочу сказать, что

Я пытаюсь объяснить

Даже к одиночеству со всеми его пустотой и холодом привыкаешь настолько, что мнишь его другом.

Я пытаюсь объяснить, почему я так поступила. Кажется, для меня это единственный способ выжить, и, надеюсь, мое стремление к жизни даже теперь вызвало бы у тебя гордость.

Боже. *Гордость*. Может быть, я больна, раз все еще думаю о тебе с нежностью после всей пролитой крови и нарушенных обещаний?

Не важно. Это единственный способ. Написать подробный пересказ нашей совместной жизни от ее трепетного начала и до жестокого конца. Боюсь, я сойду с ума, если не оставлю после себя каких-нибудь записей. Если я все запишу, то не смогу убедить себя, будто ничего не было. Не смогу сказать, что ты этого не желал, что все было лишь ужасным сном.

Ты научил нас не чувствовать вины, научил радоваться, когда мир призывает носить траур. А потому мы, твои невесты, поднимем бокалы за тебя и за твое наследие, мы будем черпать силы в любви, которую с тобой разделили. Мы не поддадимся отчаянию, пусть даже простирающееся перед нами будущее будет голодным и полным неизвестности. А я, со своей стороны, буду вести записи. Не для твоих и не для чьих-либо еще глаз, а для того, чтобы успокоить собственный разум.

Я опишу тебя таким, каким ты был на самом деле, – не изображением на древнем витраже, не горящим в нечестивом огне. Из-под моего пера ты выйдешь лишь мужчиной, в равной мере нежным и жестоким, и, возможно, тем самым я оправдаюсь перед тобой. Перед совестью, не дающей мне спать.

Это мое последнее любовное письмо к тебе, хотя некоторые назвали бы его признанием. Полагаю, и то и другое в некотором смысле жестоко: записывать слова, которые обожгут собой воздух, если произнести их вслух.

Если ты все еще слышишь меня, где бы ты ни был, моя любовь, мой мучитель, услышь это.

У меня никогда не было намерения убивать тебя.

Во всяком случае, не в начале.

Ты пришел, когда мне уже нанесли смертельный удар и у меня из легких вырывались последние слабые вздохи. Пьяные голоса поющих захватчиков долетали ко мне по ветру, а я лежала в пропитанной кровью грязи, слишком измученная, чтобы позвать на помощь. Горло охрипло от дыма и крика, а тело обмякло, превратившись в покрытый синяками мешок раздробленных костей. Никогда до того я не испытывала подобной боли и никогда более не испытываю ее.

На войне нет места доблести, она груба и отвратительна. Немногих выживших в резне умерщвляет природа.

Когда-то я была чьей-то дочерью; деревенской девушкой с достаточно крепкими руками, чтобы помогать отцу в кузнице, и достаточно острым умом, чтобы подсказывать матери, что купить на рынке. Мои дни определяли небесный свет и повседневные заботы, в том числе еженедельная месса в нашей крошечной деревянной церкви. Мое существование было бедным на события, но счастливым, полным бабушкиных страшных сказок у очага и надежд на то, что однажды я стану хозяйкой в собственном доме.

Интересно, прельстился бы ты мной, найди ты меня такой: бойкой, любимой и живой?

Но ты, мой господин, нашел меня в одиночестве. Избитую настолько, что я стала лишь тенью себя прежней, на пороге смерти. Слово судьба подала меня тебе – банкет, перед которым невозможно устоять.

Ты бы заявил, что тебя привлекли мои перспективы, мой потенциал.

А я заявляю, что это была уязвимость.

Я услышала тебя еще до того, как увидела: звон твоей кольчуги и хруст обломков под твоими ногами. Бабушка всегда говорила, что подобные тебе, спускаясь на поля сражений, чтобы пировать павшими, не издают ни звука. Тебе полагалось быть сотканным из дыма ночным кошмаром, а не человеком из плоти и крови, который оставляет следы в грязи.

Когда ты опустился рядом со мной на колени, я вздрогнула, потратила последний остаток сил на то, чтобы отшатнуться. Твое лицо скрывала ночная мгла, но я все равно оскалила зубы. Я не знала тебя. Знала лишь, что выцарапала бы глаза любому, кто еще раз прикоснется ко мне, если бы меня не предали сведенные судорогой пальцы. Меня избили и оставили умирать, и все же забирать меня пришла не смерть.

– Столько ярости и злобы, – произнес ты, и твой голос пробежал по моему позвоночнику стружкой ледяной воды. Он приковал меня к месту, будто кролика, замороженного светом охотничьего фонаря. – Это хорошо. Жизнь может подвести, а вот злоба нет.

Ты взял мою руку холодными, как мрамор, пальцами и поднес ее ко рту. Нежно поцеловал запястье со стремительно затихающим пульсом.

Только тогда я увидела твое лицо – когда ты склонился надо мной, прикидывая, сколько мне еще осталось. Проницательные темные глаза, римский нос и сурово сжатые губы. На твоём лице не было ни тени худобы или болезни, ни одного детского шрама, побелевшего с возрастом. Лишь непроглядное бархатное совершенство, столь прекрасное, что на него было больно смотреть.

– Господи, – прохрипела я, давясь пузырьками крови. На глаза навернулись слезы то ли от ужаса, то ли от благоговения. Я с трудом понимала, с кем говорю. – Господи, помоги мне.

С пустого неба лились, разбиваясь о мои щеки, серые капли дождя. Я их почти не чувствовала. Я сжала пальцы в кулак, заставляя сердце биться дальше.

– Ты так отчаянно цепляешься за жизнь, – выдохнул ты, как будто наблюдал нечто священное, как будто я была чудом. – Я дам тебе имя Констанца. Моя стойкая Констанца.

Я вздрогнула: дождь превратился в ливень, его капли струились по моим волосам и попадали в рот, пока я хватала им воздух. Я знаю, что у меня было имя и до этого. Хорошее имя, теплое и полезное, как буханка черного хлеба, только что вынутая из печи. Но в ту секунду, когда ты назвал меня своей, та девушка исчезла.

– Пусть у тебя и стальная воля, ты долго не выдержишься, – сказал ты, принимая ко мне. Ты заслонил собой небо, и вот уже я могла разглядеть лишь потертый металлический орден, приколотый к твоему застегнутому у горла плащу. Я никогда не видела такой красивой и такой древней одежды, как у тебя. – Они покалечили тебя. И сильно.

Я снова попыталась заговорить, но не смогла: грудь пронзила боль. Возможно, у меня было сломано ребро – или несколько ребер. Мне было все труднее втягивать в себя воздух. При каждом вдохе я слышала тошнотворный булькающий звук.

Наверное, жидкость в легких. Кровь.

– Боже, – прохрипела я, выдавливая из себя скупые слова. – Спаси меня. Прошу.

Я зажмурила глаза, и из них потекли слезы. Ты склонился, поцеловал мои веки, одно за другим.

– Я не могу спасти тебя, Констанца, – прошептал ты. – Но могу помочь.

– *Прошу.*

Что еще мне было сказать? Я не знала, о чем прошу, лишь умоляла не бросать меня одну в грязи, не дать мне утонуть в собственной крови. Оставил бы ты меня там, откажи я тебе? Или на мне уже стояла твоя метка и мое согласие было лишь небольшой формальностью?

Ты откинул в сторону мои мокрые волосы и обнажил белую шею.

– Будет больно, – пробормотал ты, выводя губами слова у меня на горле.

Я слепо вцепилась в тебя. Сердце бешено колотилось в груди, а мир в уголках глаз расплывался. Я ухватилась за первое, что нащупала: за твое предплечье. На твоем лице промелькнул испуг, но я крепко прижалась к тебе, притягивая ближе. Я не знала, что ты мне предлагаешь; знала лишь, что мысль, будто ты меня бросишь, приводила меня в ужас.

Ты взгляделся в мое лицо, будто только что меня впервые увидел.

– Такая сильная, – сказал ты, наклонив голову и рассматривая меня так, как смотрел бы ювелир на идеально ограненный бриллиант. – Держись крепче, Констанца. Если ты выживешь, то тебя больше никогда не коснется жало смерти.

Ты прижался ртом к моему горлу. Я почувствовала два укола – и жгучую боль, которая разлилась по шее и плечу. Я извивалась в твоих руках, но они были сильны и прижимали мои плечи к земле, будто тисками.

Мне не найти слов, чтобы описать, как мы черпаем силу из вен живых. Но я знала, что со мной происходит нечто невыразимо ужасное, нечто, что не могло произойти под неумолимым солнечным светом. У меня в голове промелькнул отрывок одной из бабушкиных историй.

Им, мороям, неведомо сострадание. Они знают лишь голод.

Я никогда не верила ее рассказам о мертвецах, выползавших из-под земли, чтобы напиться крови живых. До этого момента. В легких не осталось воздуха для крика. Моим единственным знаком протеста стали тихие слезы, текущие по щекам. Мое тело содрогалось в невыносимой агонии, пока ты пил меня всласть.

Горячая, будто наковальня кузнеца, боль пронзала мои вены до кончиков пальцев рук и ног. Ты подтолкнул меня к краю смерти, но не позволил соскользнуть вниз. Медленно, очень медленно выпивая меня досуха со сдержанностью, которой учатся не одно столетие.

Холодная, вялая, полностью опустошенная, я была уверена, что жизнь кончена. Но затем, лишь только прикрыв глаза, я почувствовала на губах влажную кожу. Я инстинктивно приоткрыла рот и закашлялась от жгучей едкой крови. Тогда в ней для меня не было ни сладости, ни полноты, ни утонченности. Я пробовала на вкус нечто красное, жгучее и греховное.

– Пей, – велел ты, прижимая кровоточащее запястье к моему рту. – Если не выпьешь, умрешь.

Я плотно сжала губы, хотя кровь уже текла по ним. Я давным-давно должна была умереть, но каким-то образом все еще жила, и по моим венам струилась новая сила.

– Заставить тебя я не могу, – бросил ты то ли с мольбой, то ли с раздражением. – Выбор за тобой.

Я неохотно приоткрыла рот и позволила твоей крови попасть внутрь, подобно молоку матери. Если единственный путь к спасению был столь мерзок, то так тому и быть.

В груди разгорелся, наполняя меня теплом и светом, пожар, который не описать словами. Это был очищающий огонь, который будто выжигал меня изнутри. Рваная рана на шее жгла, словно от ядовитого укуса, но боль в ноющих мышцах и сломанных костях притупилась, а потом, будто по волшебству, унялась.

И пришел голод. Сперва незаметно: в глубине моего сознания что-то вкрадчиво шевельнулось, рот наполнился теплой слюной.

Внезапно голод полностью овладел мной, и не было никакой надежды, что получится от него отмахнуться. Мне казалось, будто я неделями не брала в рот ни капли воды, будто я забыла даже сам вкус еды. Мне был нужен пульсирующий соленый нектар, струящийся с твоего запястья, еще, еще больше.

Я сжала твою руку ледяными пальцами и впилась зубами в кожу, высасывая кровь прямо из вен. Тогда у меня не было клыков для охоты, но я старалась как могла, даже когда ты вырвал запястье из моего влажного рта.

– Спокойнее, Констанца. Не теряй голову. Если выпьешь слишком много, тебе станет дурно.

– Прошу, – прохрипела я, едва ли осознавая, о чем именно просила. У меня кружилась голова, сердце бешено колотилось – считанные минуты назад я почти умерла, а теперь жизнь была из меня ключом. По правде сказать, мне действительно было немного дурно, но в то же время меня переполняла эйфория. Я должна была умереть, но не умерла. Со мной происходили ужасные вещи, и я сама совершила ужасное, но я была *жива*.

– Встань, мое темное чудо, – сказал ты, поднимаясь на ноги и протягивая мне руку. – Восстань и узри ночь.

На нетвердых ногах я поднялась – навстречу новой жизни, полной безумия и силы, от которой захватывало дух. Наша высохшая кровь, и твоя, и моя, коричневыми хлопьями покрывала мои пальцы и губы.

Ты провел ладонями по моим щекам, обхватил мое лицо и впился в него взглядом. Столь настойчивое внимание ошеломляло. Тогда я бы назвала его доказательством твоей любви, жгучей и всепоглощающей. Но, став мудрее, я поняла, что в тебе больше от одержимого ученого, чем от потерявшего голову любовника, и что, изучая кого-то, ты выискивал слабости, несовершенства, мелочи, которые мог бы заботливо исправить.

Ты наклонил мою голову и, прижав большой палец к языку, заглянул мне в рот. Во мне вспыхнуло желание укусить тебя, но я его подавила.

– Тебе нужно подровнять зубы, иначе они вrastут, – заявил ты. – И поесть, как полагаются.

– Я не голодна, – сказала я, но это была ложь. Просто после всего, что случилось со мной в тот день, я не чувствовала в себе нужды в пище: в черном хлебе, тушеной говядине и пиве. Я ощущала, что больше никогда ничего не съем, несмотря на голод, который грыз желудок, будто зверь в клетке.

– Ты научишься, маленькая Констанца, – произнес ты с нежной, покровительственной улыбкой на губах. – Я открою для тебя целые новые миры.

Ты поцеловал меня в лоб и убрал от лица мои грязные волосы.

– Я окажу тебе целых две услуги, – сказал ты. – Я заберу тебя из этой грязи и сделаю королевой. И помогу тебе свершить отмщение.

– Отмщение? – прошептала я – это слово резко кольнуло язык, будто током. Оно напоминало о Библии, об Апокалипсисе, было за пределами человеческого понимания. Но я перестала быть человеком – а ты не был им уже давно.

– Послушай, – сказал ты.

Я замолчала, вся превратившись в обострившийся слух. Послышался лязг доспехов и тихий говор людей: так далеко, что я ни за что не услышала бы их раньше, но достаточно близко, чтобы мы добрались до них за считанные минуты.

Ярость растеклась по моему животу, осветила лицо и придала мне сил, превратив конечности в железо. Мне вдруг захотелось уничтожить каждого, кто бил моего отца до тех пор, пока тот не перестал двигаться; каждого, кто стоял с факелами у нашего дома, пока мой брат молил пощадить детей внутри. Я хотела изувечить их, еще медленнее и мучительнее, чем они меня, хотела, чтобы они истекали кровью и молили о пощаде.

Никогда прежде я не была жестокой. Но ведь я никогда не видела столь мерзких деяний, что за них было нужно мстить. Я никогда не испытывала страданий, от которых разум свивается змеиным кольцом и готовится при первой же возможности броситься на врага. Я буду годами носить эту гадюку внутри, иногда выпуская ее наружу, чтобы разорвать на куски нечестивцев. Но тогда я еще не успела по-дружиться со своим внутренним змеем. Он казался мне странным вторженцем, пугающей тварью, требующей, чтобы ее накормили.

Ты приник губами к моему уху, пока я смотрела вдаль – туда, где наслаждались трапезой налетчики. Я до сих пор не понимаю, как они пожирали свой ужин, сидя всего в нескольких футах от выпотрошенных женщин и детей. Война – это точильный камень, который перемалывает все чувства, все человеческое.

– Они не услышат твоих шагов, – прошептал ты. – Я буду стоять чуть поодаль, прослежу, чтобы тебе не навредили и чтобы никто из них не сбежал.

Рот наполнился слюной, десны остро заныли. Желудок сжался от боли, будто я не ела две недели.

Мои опущенные вдоль тела трясущиеся руки сжались в крепкие кулаки.

Я почувствовала на коже твою улыбку, в твоем голосе прозвучало дикое удовольствие от охоты:

– Полей цветы своей матери их кровью.

Я кивнула, порывисто и горячо дыша.

– Да, мой господин.

Мой господин. Мой повелитель. Возлюбленный. Король. Мой дорогой. Мой защитник.

В те дни я давала тебе столько имен – моя чаша преданности была до краев полна титулами, достойными твоего положения. Я использовала и имя, которое дала тебе мать, но лишь в самые сокровенные моменты: когда утешала тебя в редкие минуты твоей слабости или клялась тебе как женщина, как жена.

Но я уже не жена, мой господин, да и не думаю, что ты хотя бы единожды разглядел во мне полноценную женщину. Я всегда была твоей ученицей. Подопытной. Дополнением – законным и миловидным.

Ты не позволил мне сохранить имя, а потому и я лишая тебя твоего. В этом мире ты будешь тем, кем назову тебя я, и я называю тебя призраком, явившимся долгой ночью лихорадочным сном, от которого я наконец проснулась. Я говорю, что ты – дым, напоминающий о потухшем пламени, тающий в агонии под ранним весенним солнцем лед, доска с написанными мелом долгами, которую стирают начисто.

Я говорю, что у тебя нет имени.

Жажда крови влечет за собой затмение разума, которое трудно описать словами. Начиная с первых брызг на языке и до последнего предсмертного рывка жертвы под ладонями, оно постоянно растет, сливается в высшей точке в лихорадочный высокий вопль. Создания без воображения сравнивают это мгновение с кульминацией секса, но я считаю, что оно больше похоже на религиозный экстаз. Никогда я не чувствую себя более живой по-настоящему, в своей нежизни, чем в секунды, когда забираю жизнь другого человека.

Я не начинала с малого, не посасывала нежно кровь своего любовника, лежа в постели. Я бросилась в гущу налетчиков, будто фурия из легенд.

И я не просто убила их. Я разорвала их на куски.

Их было пятеро или шестеро. Мне было не счесть тех, кто напал на нас, – и я не потрудились сосчитать тех, кого настигла сама. Они казались мне слитной массой, извивающейся и пульсирующей, сонмом насекомых, который лучше всего раздавить яростным движением моего сапога. До того как ты нашел меня, я не смогла бы отбиться и от одного из них, не говоря уже о шести. Но твоя кровь подарила мне силу – силу, обладать которой не имеет права ни один человек. Она изгнала мой страх и толкнула меня им навстречу, заставила искривить губы в рычании.

Один из них оглянулся через плечо и увидел меня. Половину его лица освещало пламя костра, на котором готовилась еда.

Он открыл рот, чтобы закричать. Я ухватила пальцами за его верхнюю и нижнюю челюсти и разорвала их, не давая ему такого шанса.

Расправиться с остальными было невероятно легко. Я выкалывала глаза, ломала шеи и ребра, разрывала нежную плоть рук своими растущими клыками. Мои десны лопнули, и моя кровь смешивалась с кровью моих противников, которых я, одного за другим, пила. Только один, пошатываясь, попытался сбежать в темноту и угодил прямо в твои объятия. Ты быстрым, умелым ударом сломал ему ногу и отправил ковылять обратно ко мне, будто родитель, который разворачивает заводного солдатика, забредшего к выходу из игровой.

Наконец все было кончено, и я, тяжело дыша, стояла на нетвердых ногах среди тел. Я была довольна тем, что сделала. Не чувствуя в глубине сознания предательского сожаления, но и не ощущая себя действительно... сытой. Внутри все еще сидел голод, тихий, но отчетливый, несмотря на бурлящий от крови желудок, и я не чувствовала себя чистой и отстоявшей себя, как я на то надеялась. Ужасные воспоминания о том, как меня избивают, а моя семья стораёт заживо, не ушли – они были выжжены в моей памяти, хотя на теле и не осталось следов. Жажда мести, которую посеяли во мне эти люди, осталась со мной, она свернулась калачиком и погрузилась в беспокойный сон.

Я хватала ртом воздух, внутри клекотали рыдания. Я не знала, почему плачу, но бурно лила слезы, обрушившиеся на меня, как молодая гроза.

– Пойдем, – сказал ты, закутывая меня в плащ.

– Куда? – спросила я, уже ковыляя за тобой. Лежащие кучей вокруг все еще тлеющего костра выпитые мною тела выглядели отвратительно, но и вполнину не так ужасно, как то, что сотворили со всей моей деревней, с моей семьей.

Ты одарил меня слабой улыбкой, от которой мое сердце наполнилось радостью.

– Домой.

Твой дом наполовину лежал в руинах, его обнимали медленно ползущий вверх плющ и само время. Он укрылся вдалеке от деревни, высоко в скалистых горах, куда редко отваживались забираться простолюдины. Полуразрушенный и тусклый, он выглядел почти заброшенным. Но я видела лишь его великолепие. Изящные парапеты, дубовые двери и черные окна до потолка. Верхушки башен, казалось, пронзали серое небо, вызывая громы и дожди.

От взгляда на этот прекрасный дом, возвышающийся надо мной, будто желающий меня поглотить, я задрожала. К этому моменту опьянение кровью и отмщением прошло. В животе шевельнулся страх.

– Все, что ты видишь, в твоём распоряжении, – сказал ты, наклоняясь ко мне. Ты был таким высоким, что тебе пришлось наклониться, будто дереву на ветру, чтобы прошептать мне это на ухо.

И в ту секунду моя жизнь больше не принадлежала мне. Я чувствовала, как она ускользает от меня. Так ускользает девичество от женщин, которые, как это и полагается, вступают в брак в церкви и принимают чашу вина для причастия, а не жгущие огнем поцелуи на залитом кровью поле боя.

– Я...

Голос задрожал, как и колени. Ты, должно быть, почувствовал мою слабость. Как и всегда.

Ты подхватил меня на руки, будто я весила не больше ребенка, и перенес через порог. Ты держал меня так нежно, стараясь не сжимать слишком сильно, не оставлять синяков. Твоя нежность потрясла меня больше, чем твоё чудесное появление в момент моей смерти. Думая об этом сейчас, я понимаю, что следовало бы подметить, насколько своевременным был твой приход. В нашем мире нет ангелов, которые присматривают за умирающими в их последние минуты, – есть лишь карманники и падальщики.

Хочется верить, что ты не просто играл свою роль. Хочется верить, что твоя доброта была не просто одной из хорошо отрепетированных арий оболыщения, которые ты пел бесчисленное число раз для бесчисленных невест. Но я слишком долго любила тебя, чтобы вообразить, будто ты делал что-то без скрытого умысла.

Двери холла распахнулись передо мной голодной пастью. Когда мы переступили порог, вокруг расплзлись холодные тени, и у меня перехватило дыхание от потускневшего убранства дома. Каждая деталь – от железных канделябров на стене до ярких ковров под ногами – поражала мой разум. До этого я жила очень простой жизнью, счастливой, но лишенной изящества. Единственным золотым предметом, который я видела в жизни, была сверкающая чаша, которую доставал из своего мешка священник, когда дважды в год приезжал из соседнего крупного города, чтобы нас причастить. Но теперь оно сверкало на меня из укромных уголков и с полок, придавая комнате дух святости.

– Как здесь прекрасно, – выдохнула я, подняв голову и проследив взглядом, как исчезают стропила в темноте сводчатого потолка.

– Здесь всё твоё, – сказал ты без колебаний. Не в ту ли секунду мы соединились браком, когда ты предложил мне разделить с тобой это разрушающееся королевство? Или это случилось, когда твоя кровь впервые брызнула мне в рот?

Ты поцеловал меня, спокойно и целомудренно, а потом опустил на пол. Подвел меня к каменной лестнице – наши шаги отдавались по дому эхом. Ты не забыл прихватить со стены пылающий факел и увел меня ещё дальше во тьму. Уже тогда я видела в темноте лучше, чем когда-либо, но я всё ещё была слабее тебя. Мне всё ещё нужно было немного огня.

Комнаты проплывали мимо размытыми пятнами серого камня и гобеленов. Со временем все они станут мне знакомы, но в ту ночь я едва отличала их одну от другой. Казалось, дому не было ни конца ни края. Я никогда не бывала в таком большом здании, и мне казалось, что, кроме нас, там нет ни одной живой души.

Если таких, как мы, можно считать живыми.

– Ты живёшь здесь один? – тихо спросила я. После меня на ковре оставался след из крови и грязи, и я гадала, кто его вытрет. – Где твои слуги?

– Сбежали или умерли, – бросил ты, ничего не объясняя. – Нам нужно привести тебя в порядок, не так ли?

Ты привел меня в маленькую комнату и начал методично зажигать свечи. Посреди комнаты стояли длинная неглубокая медная ванна и ведра для воды. На ковре валялись крошечные флакончики с маслами и духами – такие же, пожалуй, стояли бы в спальне королевы.

– Это для меня? – тихо спросила я. Мой голос дрожал, ноги ныли после долгой дороги и каждая жилка звенела от боли, медленно умирая и преображаясь для новой жизни. Моя жажда крови утихла, я едва держалась на ногах. Эта ночь уже казалась мне смутным исступленным сном.

– Конечно, – ответил ты мягко. – Ты всего этого заслуживаешь. Я наберу тебе воды.

Я сидела в изумлении, а ты наполнял ванну ведрами то горячей, то холодной воды, пока не добился идеальной температуры. Затем ты поднял меня на ноги и начал ловко расшнуровывать мое верхнее платье.

Я сдавленно вскрикнула и отпрянула. До этого я была послушной и безвольной, будто кукла, принимала каждое твое прикосновение, каждый поцелуй. Но тут к горлу подступил страх.

– Не надо, – закричала я. – Я не хочу... Меня еще никто не видел. Вот так.

Ты нахмурил лоб, может быть, от беспокойства, а может, от недоумения и раздражения, но все равно осторожно убрал руки от моей одежды.

– Я никогда не подниму на тебя руки, Констанца, – сказал ты тихо. – Никогда – ни в гневе, ни от вожделения.

Я кивнула, с трудом сглотнув.

– Спасибо. И за это, и за то, что помог справиться с этими чудовищами.

– Если бы ты попросила, я бы каждый день предоставлял по дюжине людей, чтобы накормить тебя. Я бы отыскал каждого мужчину, женщину и ребенка, которые хоть раз были грубы с тобой, и пригнал бы их к тебе на четвереньках, держа на коротком поводке.

– Спасибо, – ответила я тихо, будто молилась.

– Мне тебя оставить?

– Нет, – сказала я, сжав твою руку. – Останься. Пожалуйста. Просто... дай мне минутку.

Ты кивнул и быстро поклонился в пояс, а затем вежливо отвернулся, когда я расшнуровала и сняла платье. Одежда отяжелела от страданий и засохшей крови, и я отбрасывала ее в угол, один кусок ткани за другим. Я больше не хотела их видеть.

Затем я опустила дрожащую босую ногу в ванну, погрузилась в теплые, восхитительные объятия воды. Через несколько мгновений она из прозрачной превратилась в ярко-розовую, а затем покраснела, как ягоды боярышника, скрывая мою наготу. Вода обожгла мои открытые раны, но они уже заживали – быстрее, чем им было положено.

– Уже можно смотреть, – сказала я.

Ты опустился рядом со мной на колени и поднес к губам мое запястье.

– Все так же прекрасна, – сказал ты.

Ты купал меня, будто я была твоей дочерью, смывал кровь с моих волос. Я вся пропиталась запахом агонии моих обидчиков и терпеливо ждала, пока ты вычешешь из волос каждую колючку.

– Откинь голову назад.

Я сделала, как ты и приказал, и по волосам потекла вода. В то время я всегда слушалась твоих приказов.

До этого я не видела ванны изящнее грубо отесанного деревянного корыта. Блестящая латунь холодила кожу. Я закрыла глаза и отпустила себя, потерялась в нежных прикосновениях твоих рук и тупой пульсирующей боли, покидающей тело. Мне казалось, что я парю над своим телом, наблюдаю, как ты водишь по моим волосам длинными ногтями. Меня так и тянуло ускользнуть навсегда.

– Вернись ко мне, Констанца, – сказал ты, повернув к себе мой подбородок. – Останься здесь.

Ты с уже привычной настойчивостью целовал меня в губы, пока я не растаяла под твоими прикосновениями и не приоткрыла их. Когда я, внезапно осмелев, заключила тебя в объятия, вода потекла с меня ручьями. Ты провел руками по моей гладкой коже и издал звук, похожий на всхлип агонии. И тогда я поняла, что ради этих крошечных моментов твоей слабости я дойду до самого ада и обратно. В конце концов, что может быть прекраснее, чем изнывающий от желания монстр?

– Давай оботрем тебя, пока ты не простыла, – прошептал ты, хотя сам все еще тянулся ко мне для поцелуя. Ты прошелся губами по линии моего подбородка, по изгибу шеи.

Я все еще неловко сидела в ванне, когда ты достал тяжелый домашний халат, поднял его и повернул голову. Я встала и дала себя укутать, выжать воду из моих волос, один драгоценный дюйм за другим. Окровавленное платье мы оставили на полу. С той ночи я его ни разу не видела. Я часто гадала, не сжег ли ты его вместе с последними крупными данными мне родителями имени. Как бы там ни было, ты заключил меня в объятия, прижал к себе так крепко, будто я могла исчезнуть, не сделай ты этого.

– Пойдем к тебе в комнату, – сказала я, сжимая под пальцами твою одежду. Просить о таком было неприлично, но ты и сам одним махом нарушил очень много запретов из моей прошлой жизни. Какие слова можно было назвать опрометчивыми после грехов, которые мы с тобой уже совершили?

– Я приготовил твои собственные покои, – мягко ответил ты, как всегда, величавый, вышагивающий по тобой же подготовленной сцене, без запинки произнося свои реплики.

При мысли о даже одном мгновении ночи, проведенном без тебя, по моим щекам потекли слезы. Тишина казалась мне крадущейся ко мне болезнью, и она заражала мой мозг образами ужасов, которые я пережила этой ночью. Я не хотела снова видеть обугленное лицо отца, вспоминать крики налетчиков. Я хотела лишь покоя.

– Я не хочу оставаться одна. Прошу тебя.

Ты кивнул, распахивая передо мной дверь.

– Чего бы ни пожелала моя жена, будет ей даровано. Пусть между нами не будет секретов, Констанца. Не будет стен.

Я не помню в подробностях, какой была твоя комната в ту, первую ночь, лишь мягкие очертания абсолютной тьмы, тяжелого дамаса и резного дерева, манящие меня к себе. Тогда они напоминали мне утробу матери, мягкую и полную тепла. Теперь я помню только могилу, в которой мы проводили ночи нашей нежизни.

Ты дал мне ночную рубашку из тонкого мягкого льна и принял меня в свою постель. Я прижалась к тебе всем телом – в доме стояла мертвая тишина, которую прерывало лишь мое дыхание и медленное, ровное биение твоего сердца. Слишком медленное, будто ты просто изображал процесс, в котором твое тело уже давно не нуждалось. Я все никак не могла подобраться к тебе достаточно близко, чтобы стряхнуть со своей кожи оцепенение. Мне нужны были прикосновения, нужны были объятия, в которых я почувствую себя настоящей. Я боялась, что разум соскользнет в ужасные воспоминания о моей сожженной заживо семье. Или, что пугало меня еще больше, в непроглядное, пустое ничто.

– Поцелуй меня, – внезапно попросила я, пробив в тишине брешь.

– Констанца, – милостиво прошептал ты, повернув ко мне лицо. Легко прочертил губами линию от моей скулы к подбородку. – Констанца, Констанца.

Это имя из твоих уст почти ввело меня в транс. Я целовала тебя, снова и снова, пока меня всю не затрясло и кожу не обжег неестественно яркий огонь. Не знаю, дрожала ли я от страха, от желания или от того, что мое тело все еще распадалось на части и собиралось заново. Чтобы

измениться полностью, нужны были дни, даже недели. Мы мужаем на протяжении сотен лет, каждую ночь становясь все дальше от человечества.

Тогда я была молода. Я бы позволила тебе сделать все, что угодно, лишь бы меня больше не жгло.

– Возьми меня, – прошептала я, коснувшись своими дрожащими губами твоих. – Я хочу этого.

– Ты все еще слаба, – предупредил ты, уже скользя ладонью вверх по моей ноге и кладя ее мне на бедро. Ты опустил ниже, оставляя на моей шее кусачие поцелуи. – Тебе нужно поспать.

– Ты нужен мне, – ответила я, и на глаза навернулись слезы. Я хотела выскрести у этого жестокого, уродливого мира немного радости, найти в нем сладость, несмотря на всю кровь и крики. Я хотела этого, напомнила я себе. Только это сейчас могло заставить меня снова почувствовать себя сильной и невредимой. – Погаси свет.

Ты выполнил мою просьбу, погрузив комнату в полную темноту, а потом накрыл мои губы своими со свирепостью, которая меня почти напугала. Я почувствовала в твоём поцелуе незамутненную, изысканную жестокость, желание рвать и пожирать, которое больше подходило волку, чем человеку. Голод, который ты питал ко мне, всегда становился очевиднее под покровом темноты, когда тебе не нужно было изображать на лице подобие вежливости. Я всегда была твоей маленькой мышкой, которую держат в позолоченной клетке, пока кошке не придет время поиграть. Ты никогда не причинял мне боли, но ты наслаждался моим учащенным сердцебиением, моими испуганными вздохами.

Ты нащупал подол моей ночной рубашки и ловко стащил ее через голову. Я задрожала, прижимаясь к тебе голой кожей, пока ты все настойчивее изучал ртом мои ключицы и грудь. Ты не был моим первым, но это было совершенно не похоже на неловкую, полную хихиканья встречу за сараем с моим знакомым с детства дружком. Это были неземные ощущения, будто от меня отрезали часть, чтобы дать ей пристанище в тебе.

– Открой рот, – сказал ты.

Ты прикусил острым краем зуба указательный палец и обвел им мои губы, заставляя повиноваться.

Я почувствовала скользкий кровавый поцелуй и открыла рот, как ты приказал. Позволила твоим пальцам скользнуть внутрь и обвела их языком, высасывая дочиста.

– Никаких зубов, – приказал ты и жарко толкнулся вглубь меня.

Ты помнишь, как я дрожала, доблестно сражаясь с новыми инстинктами? Мой рот наполнился слюной, у меня ныли десны, но я подчинилась тебе. Ты испытывал меня? Как собаку, перед которой держат кусок мяса и приказывают ей сидеть, просто чтобы она слушалась еще охотнее?

Я пила одну мучительную каплю за другой, пока ты скользил внутри, стирая все воспоминания о жизни до тебя.

После этой первой ночи я спала несколько дней, просыпаясь лишь для того, чтобы сделать небольшой глоток твоей крови. Я ворочалась с боку на бок, отчаянно нуждаясь в воде, в матери, в том, чтобы долгий сон моей прежней жизни оборвался. Изменения проходили мучительно и медленно, мои внутренности затвердевали, а расположение мышц менялось. Кожа из нежной плоти превращалась в гладкий, не тронутый несовершенствами камень, а волосы и ногти каждый день отрастали на четверть дюйма. Только мое сердце оставалось прежним, преданно перекачивая горячую кровь по венам, горевшим при каждом малейшем движении.

Ты ухаживал за мной с преданностью монахини, ходящей за умирающим: протирали мне лоб прохладной салфеткой, мыл и одевал меня, а каждый вечер при свечах подстригал мне волосы. В конце концов я приспособилась к нашему распорядку дня: просыпалась вечером и

погружалась в мучительный сон, как только грозило взойти солнце. И ты всегда был рядом, стойкий и мудрый, безмолвно успокаивал меня своими поцелуями.

Когда я достаточно окрепла, мы занимались любовью, и я впивалась пальцами в твою плоть в брачной горячке, словно существо, осознающее, что скоро умрет. А в иные часы ты читал вслух или заплетал мне волосы. Я не знала, где ты был, когда покидал меня, но ты почти всегда был рядом.

Мой спаситель. Мой учитель. Мой путеводный свет во тьме.

Я думаю, господин мой, что именно тогда ты любил меня больше всего. Когда ты только обратил меня и я все еще была податливой, будто мокрая глина в твоих руках.

Жаль, у меня тогда было не лучшее чувство времени – да и все остальные чувства тоже подводили. Жаль, что я не могу указать даты и точно запечатлеть здесь все наши взлеты и падения. Но меня подхватило течением, смыло в бескрайнее море, носившее твое имя. Ты был моим воздухом, кровью в чаше, из которой я пила; мне были знакомы лишь твои сильные руки, запах твоих волос и линии твоих длинных белых пальцев. Я с таким упоением наносила на холст черты своей любви к тебе, что не осталось ни одного шанса возможности уследить за временем. Не осталось шанса, чтобы заглянуть в прошлое или будущее; существовало лишь вечное настоящее.

В конце концов, я переродилась. Я стала обновленной, цельной – и совершенно другой. Деревенская девушка, которой я была раньше, окончательно умерла. Умирала понемногу и не единожды на нашем брачном ложе – я была твоей Констанцей, твоей темной и несокрушимой драгоценностью.

В конце концов, ты разрешил мне побродить по коридорам моего нового дома. Выходить наружу было строго запрещено (ты говорил, что я все еще слишком слаба), и в первые дни ты кормил меня исключительно кровью из своих вен. Время от времени ты заманивал к нам мальчика из соседней деревни, обещая ему работу, но такие пиры были для нас большой редкостью. Ты очень старался охотиться, только когда я спала, не желая надолго оставлять меня одну. Однако просыпаясь в одиночестве, я каждый раз развлекала себя тем, что исследовала дом.

Я была в восторге от каждой картины, каждого тщательно прилаженного камня в камине. Такое великолепие превосходило все мои самые смелые фантазии, и все это было в моем распоряжении, всем я могла повелевать. Хотя повелевать было, в общем-то, нечем: в доме не было ни слуг, ни гостей, ни других живых существ, кроме нас с тобой. Но я получала огромное удовольствие, переставляя мебель, протирая фамильное серебро и представляя, каково было бы когда-нибудь устроить в доме грандиозный званый ужин.

Я могла заглянуть куда угодно, за исключением банкетного зала, куда позволялось входить лишь с твоего прямого разрешения и лишь вместе с тобой. Как-то раз, когда ты пребывал в особенно великодушном расположении духа, а я бросала на тебя свои самые нежные умоляющие взгляды, ты разрешил мне туда войти.

– Это святилище, – строго сказал ты у двери. – Ступить внутрь – привилегия. Ничего там не трогай, Констанца.

Я молча кивнула, почти подрагивая от возбуждения.

Должно быть, когда-то здесь развлекали роскошными трапезами путешествующих дворян. Но ты убрал стулья с высокими спинками и большую часть столов и освободил место для твоих любимых приспособлений.

Тогда я не знала, как они называются, но теперь понимаю, что смотрела на мензурки и счеты, механические компасы и астролэбии. Всевозможные медицинские и научные инструменты, примитивные и современные, из Греции, Италии, Персии и с простирающихся за ее

пределами обширных территорий халифата. Они сверкающими кучками лежали на стопках пергамента. Некоторые выглядели так, будто уже отслужили свой срок, а к другим, казалось, не прикасались целое столетие.

– Что это за вещи? – выдохнула я, и голос легко пронесся по всему залу с его сводчатыми потолками. Все в этом замке усиливало мои слова, даже самые тихие, до трубного гласа, и казалось, будто они разрушают созданную тобой здесь экосистему.

– Лучшее, что может предложить это захолустье, – сказал ты, указывая в сторону карты созвездий. – В такое суровое время мы живем, Констанца. Величайшие умы Европы не могут найти лекарств от простейших болезней или решить легчайшие уравнения. В Персии отслеживают движение крови по телу, оперируют печень живых людей, создают невероятные машины, которые кажутся непросвещенным людям алхимией. Греки и римляне владели знаниями, которые целиком пожрало время.

– Но для чего они все?

– Чтобы раскрывать тайны человеческого тела, конечно. Чтобы изучать этих разумных животных и раскрывать всю сложность их строения.

– Я и не подозревала, что тебя так интересуют люди, – пробормотала я, напоминая себе, что сама больше не принадлежу к их числу. Ты говорил, что люди – менее развитые существа, жалкие создания, что существование их быстротечно и что они пригодны лишь для еды и развлечений. Явно не для дружеского общения. Ты предупреждал, что мне не стоит и пытаться заводить себе друзей за пределами нашего дома. Они лишь разобьют мне сердце.

– Меня интересует мое собственное состояние, а потому стоит проявить интерес и к ним, – ответил ты, проводя пальцем по исписанной мелким почерком странице. Тогда я еще не умела читать, но смогла различить на рисунках человеческие ноги и руки, беглый набросок, изображающий нечто вроде сердца. – Разве тебе не интересно, что за сила оживляет нас после первой смерти? Сила, что дарует нам долгую жизнь без старости.

Я поежилась – по залу пробежал сквозняк. Большую часть времени я очень старалась об этой силе не думать.

– И представить себе не могу, мой господин. Господь – единственный творец наш – может быть, это Он вылепил первого вампира из глины земной. Но вместо того чтобы смешать глину с водой, Он смешал ее с кровью.

Я всегда была верующей, и иногда эта вера граничила с суеверием. И вторая жизнь этого не изменила; она лишь расширила экзистенциальные горизонты моего понимания.

Ты улыбнулся. Снисходительно и почти с жалостью.

– Сказки твоего священника не смогут объяснить нашего существования. Не важно, венец ли мы творения или великий позор природы, у нашего голода есть смысл и причина. Как и у наших тел и процессов, в них протекающих. Я намереваюсь разгадать их, понять, кто мы такие, и запечатлеть все на бумаге.

– Но зачем? – спросила я. Я не могла удержаться от вопросов, даже несмотря на то, что уже знала: если задать тебе больше двух подряд, это тебя, скорее всего, рассердит. И, разумеется, в твоих глазах блеснула вспышка раздражения. Но ты вздохнул и ответил мне, будто надоедливому ребенку:

– Чтобы стать сильнее, конечно. Познать себя, свои пределы и способности – это одна сторона силы. Вторая – понять, как легче всего подчинить себе другие создания с теми же способностями.

У меня в груди подпрыгнуло сердце. Твои слова были подобны лучам света в могильной тьме, обещанием жизни в мире за пределами замка.

– Другие? Мой повелитель, кроме нас, есть и другие?

Ты не упоминал о других. Ты говорил о нас так, будто мы с тобой – единственные неживые создания во всем мире, будто сама судьба уготовила нам встречу друг с другом.

– У каждого вида всегда больше двух представителей. Вспомни, как я обратил тебя, Констанца. Ты на собственном опыте прочувствовала, как мы появляемся на свет.

– Значит, и я могу явить кого-то на свет? – спросила я, в шоке прижимая руку к животу. Старая привычка соотносить рождение с утробой матери. Но я говорила не о родах.

Ты бросил на меня уже знакомый мне изучающий взгляд.

– Нет, маленькая Констанца. Ты слишком юна, а твоя кровь слишком слаба. Для одной лишь подобной попытки тебе потребуется тысяча лет. Обращение – это могучая сила. Лучше оставить ее тем, кто сможет справиться с такой ответственностью.

От такого количества информации у меня закружилась голова. Она была полна вопросов, как твой кабинет – безделушек, которые ты прихватил с собой, когда путешествовал.

– Значит, кто-то обратил и тебя самого, – сказала я, стараясь удержать мысль. – Если ты изучаешь законы, по которым мы появляемся на свет, значит, и тебя обратили так же, как ты меня. А где сейчас твой создатель?

– Мертв, – ответил ты, отмахиваясь от моего вопроса взмахом руки. – Он был не таким добрым, как я. Я был его рабом при жизни, и он обратил меня, чтобы я служил ему вечно. К сожалению, после этого он прожил недолго.

Твое раздражение стало отчетливым – предупреждение, что мне стоит знать свое место. Моей задачей было украшать твой дом и успокаивать твой разум, а не забрасывать тебя вопросами. Поэтому я подобрала юбки и тихо стояла рядом, слушая рассказы о твоих инструментах, твоих исследованиях, твоих маленьких открытиях. Ты потчевал меня крошечными лакомыми крупичками знаний, к которым я, по-твоему, была готова, но раздраженная морщинка между твоими бровями так и не разгладилась.

Ты просто ненавидел, когда я переступала тщательно очерченные границы положенных мне знаний.

Вероятно, потому что тебе очень нравилось размахивать у меня перед носом обещанием откровений, как моряки размахивают копченой рыбой, чтобы кошки танцевали, выпрашивая ужин.

Вопросы. У меня было так много вопросов, и мне стоило бы задать их все. Стоило подтачивать тебя, будто бьющая о камень вода, пока ты не выдал бы все, что знал. Но пойми, я была просто девчонкой. Я была одна, и мне было страшно. У меня даже отчего дома не было.

Теперь, когда у меня за плечами столетия нежизни, очень легко ненавидеть себя за свое невежество, но в первые годы меня заботило только выживание. И я верила, что лучший способ выжить – вверить себя тебе с полной самоотдачей и обожанием. И, боже, как же я тебя обожала. Это чувство выходило за рамки любви, за рамки преданности.

Я хотела, будто волна, разбиться о твои скалы, стереть с лица земли свое прежнее «я» и увидеть нечто сияющее и новое, что поднимется вместо него из морской пены. В те первые дни я могла описать тебя лишь как *отвесный склон* или *первозданное море*, *кристально холодные звезды* или *черная бездна неба*.

Я нырнула глубоко в твою душу, рассматривая каждое брошенное тобой слово, будто драгоценный камень. В поисках значения, в надежде разгадать твои тайны. Мне было все равно, если в процессе я потеряю себя. Я хотела, чтобы меня за руку ввели в твой мир, хотела раствориться в нашем поцелуе, пока мы с тобой не сольемся в единое целое.

Ты превратил сильную духом девушку в пульсирующую рану, состоящую из одной лишь нужды.

До тебя я не представляла себе, что значит слово «*порабощенная*».

Наш первый гость стал и последним, и, хотя это все еще кажется мне предательством, не могу не признать: я все еще вспоминаю о нашем юном предвестнике рока с нежностью.

Может быть, потому что к тому моменту я десятилетиями – а может, и столетиями – не говорила с людьми. Я изголодалась по звукам человеческого голоса, отличным от захлебывающихся криков жертв, которых ты приводил, чтобы научить меня убивать. К тому времени я лучше представляла себе яремные вены, нежные артерии запястья и скрытые за мягким слоем плоти манящие бедренные артерии, чем приятную беседу.

Вот почему я была так поражена, когда одним пьянящим летним вечером в нашу дверь постучали. Солнце едва село, и меня все еще клонило ко сну, но я накинула поверх сорочки халат и поспешила вниз по главной лестнице. Тебя нигде не было видно, поэтому я вошла в роль хозяйки дома и открыла.

В полумрак нашего дома, шаркая, ступил человек, одетый в наряд из жесткой воощенной кожи. Подол его одеяния волочился по полу, размазывая по холлу грязь. И самое примечательное: под широкополой черной шляпой была жуткая маска в итальянском стиле, с длинным клювом и такая потрепанная, будто успела побывать в бою.

– Чем я могу вам помочь? – спросила я, не зная, что еще сказать. Он не был ни паломником, ни нищим и уж точно не жил в деревне внизу. От него пахло чужой водой, сухими травами и тихим гниением из-за болезни. От запаха заболевания у меня чаще забилося сердце, подстегивая спящий внутри инстинкт самосохранения. В начале своей второй жизни вампиры быстро учатся опасаться запаха инфекции и держатся подальше от пищи, которая может загнить в желудке. Мы не умираем от болезней, но зараженная кровь делает пищу отвратительной.

Незнакомец вежливо склонил голову.

– Я ищу хозяина дома, госпожа.

– Он не может вас принять.

Простой заученный ответ, которому ты научил меня в начале нашего брака. Я должна была без вопросов отваживать любых неожиданных посетителей.

– Боюсь, у меня очень срочное дело. Прошу вас.

Пустой холл заполнил звук твоего властного голоса, который ты повысил без всякой на то нужды:

– Пусть заходит, Констанца.

Я обернулась и увидела тебя на верхней ступени лестницы – высокого, красивого и ужасного. Самое сильное впечатление ты всегда производил на меня, когда я смотрела на тебя глазами других так, будто видела в первый раз. Ты, не говоря ни слова, с мучительной, степенной неторопливостью спустился по каменным ступеням и наконец остановился перед посетителем.

– Говори, – велел ты.

Незнакомец поклонился в пояс, вежливо, но небрежно. Он привык иметь дело с мелкими дворянами, но также привык и все время торопиться.

– Господин, я пришел по очень срочному делу. Я врач...

– Сними это, – сказал ты, указывая на его маску. – Если хочешь говорить со мной, веди себя подобающе.

Незнакомец запнулся, его рука взметнулась к лицу, но застыла на полпути и снова опустилась.

– Господин, это защита от болезни, один из инструментов моего ремесла. Она отгоняет миазмы.

– В моем доме нет ни миазмов, ни болезней. Мы, по-твоему, больны? А кроме нас здесь никого нет. Снимай.

Доктор заколебался, но сделал, как ему было велено: отстегнул кожаные ремни, удерживающие маску на месте. Она осталась у него в руках – оказалось, что ее клюв был полон сухих цветов. Маленькие кусочки мяты, лаванды и гвоздики рассыпались на полу возле его ботинок.

Он был моложе, чем я думала, с ясными глазами и румяными щеками, с которых все еще не спала детская припухлость. Ему было не больше двадцати, и его каштановые кудри не мешало бы подстричь. Если бы не решительный взгляд и синяки под глазами, он был бы похож на ангела.

До меня донеслась острая сладость лаванды и соблазнительный пряный запах его крови, усилившийся без защищавшей его маски. Несомненно, ты приказал ее снять, чтобы показать свою власть, – ну а еще так было легче свернуть ему шею или впиться зубами в его нежное горло.

– Я врач телесных болезней, меня обучили в Риме и прислали в Бухарест, – сказал он – теперь, когда он оказался лицом к лицу с тобой, его голос звучал немного тише. Ему пришлось поднять глаза, чтобы заговорить. – Я служил и в благородных домах, и в лачугах тех, кому повезло в жизни меньше всего, диагностируя болезни и назначая лекарства.

– Очень впечатляет. Но что тебе нужно от меня?

Юноша сглотнул. В его глазах читался истинный страх. Но боялся он не тебя.

– Я пришел, чтобы сообщить новость о болезни, распространяющейся по этому краю, как лесной пожар. Врачи Бухареста сбились с ног, пытаюсь ее побороть, и мы сделали все возможное, чтобы предотвратить распространение инфекции. Мне очень жаль, но мы не преуспели. Болезнь добралась и до отдаленных городов. И до вашего тоже, господин. Только сегодня я видел пятерых заболевших в городе прямо за вашими стенами. Я попросил, чтобы вам немедленно отправили письмо, но никто в городе не захотел... – Он сглотнул, не зная, как продолжить. – Люди, э-э, суеверны, и...

– Они считают, будто я дьявол, который поедает младенцев, – добавил ты с сердечной улыбкой – из-за нее казалось, будто ты представляешься мне. – Это хорошо известно. Как я и сказал, у нас не так много посетителей. Должно быть, положение дел действительно ужасное, раз вы пришли сюда сами.

Доктор обхватил руками свой посох.

– Я скажу так: все... смертельно серьезно. Я подумал, что вы как правитель этого края заслуживаете знать. Я не уверен, как вы обходитесь с маленькими городами, но люди считают вас своим господином. Я выяснил, что, если правитель в разгар чумы действует быстро, иногда катастрофу можно предотвратить.

Твои губы тронула тонкая улыбка. Улыбка кота, довольного дракой, которую затевает мышь.

– И что, по-твоему, я как правитель должен сделать?

– Используйте свою власть, чтобы донести всем эту весть. Скажите людям, чтобы они избегали рынков под открытым небом, выгребных ям и мусорных куч. Пусть не дышат грязным воздухом; он заразен. А зараженных нужно полностью изолировать при постельном режиме.

Ты пренебрежительно махнул рукой, уже отворачиваясь от него. Я шагнула вперед, готовясь проводить нашего гостя за дверь.

– Эти люди передо мной ответа не держат. Пусть разбираются сами.

Доктор сделал несколько шагов к тебе, и я уже было решила, что он сейчас схватит тебя за руку, будто обычного торговца. Каков смельчак.

– У вас столько богатств и власти, господин. Люди будут почитать вас как своего спасителя и благодетеля, если вы придете им на помощь. Это, без сомнений, только укрепит их верность; вам это тоже на пользу. Вы сами сказали, что в вашем огромном доме никого, кроме вас и вашей леди. Возможно, вы могли бы пожертвовать врачам и монахиням, ухаживающим за больными, флигель – или хотя бы поставить сторожку у ворот.

– Ты точно не святой, пришедший читать мне лекции о грехе излишеств? Моли об этой благотворительности Констанцу. Лишь она тут страдает набожностью.

– Меня обучали монахи, – пробормотал доктор. – И в их словах есть смысл. Но я бы не осмелился просить вас пожертвовать собственным комфортом, чтобы лишь сохранить то небольшое, что доставляет удовольствие его светлости...

– Разговор окончен, – сказал ты, делая мне незаметный жест, который означал, что мне нужно отослать юношу. – Доброго вам дня. Больше не приходите.

Я подобрала юбки и открыла рот, намереваясь выпроводить нашего гостя, но тут гнев юноши взял верх над здравым смыслом и языком.

– Вы бы решили иначе, если бы видели, что происходит с вашими людьми, – резко произнес доктор. – На их коже появляются нарывы загадочного происхождения, они гноятся и чернеют за несколько часов; детей рвет кровью, а старики лишаются носа из-за гангрены; здоровые молодые мужчины умирают за один день! Не думайте, что каменные стены защитят вас от этой чумы, господин. Вам нужно подготовиться.

Ты застыл – темная фигура в одной из каменных арок.

– Нарывы? – повторил ты.

– Иногда да. Или скорее припухлости на шее, под мышками, в паху...

– Не зайдешь ли ты в кабинет? – внезапно спросил ты. Твои глаза горели странным, настойчивым огнем. Мы с доктором обменялись взглядами, пораженные этой внезапной сменой настроения, но ты был настойчив. – Прошу. Я хочу услышать больше об этой чуме.

– Ты слышал, что сказал мой господин, – произнесла я, ведя нашего гостя в темноту дома. Он послушно шел следом, но его губы были плотно сжаты. Недоверчивый. Слишком умный.

Мы провели его в тесную комнату, где стоял письменный стол и хранился пергамент, практически тобой позабытый. Ты умел писать, говорил на стольких языках, что иные я никогда и не слышала, но нам почти не с кем было переписываться.

– Ты сказал, что тебя обучали в монастыре? – спросил ты, найдя скудный запас не успевших еще высохнуть чернил. – Тогда опиши мне все симптомы. Начиная с самых первых и вплоть до смерти пациента, не скупись на подробности.

Доктор нерешительно взял перо, бросив настороженный взгляд в мою сторону.

– Чтобы я мог различить у своих подданных признаки болезни, – добавил ты вкрадчиво, как воск, растекающийся вокруг гаснущей свечи.

Юный доктор уверенно кивнул, довольный тем, что перед ним поставили достойную задачу. Он скрупулезно выводил на листе список, пока ты нависал над ним, упершись рукой в стол и заглядывая ему через плечо. Рядом с тобой он казался таким маленьким. Меня вновь поразило осознание: он был всего лишь мальчишкой со скудным медицинским образованием за плечами, попавшим во враждебный мир.

– Симптомы не всегда появляются именно в этом порядке, но проявляются они быстро. Иногда нагноению препятствует втирание в язвы нарезанного лука, и зелье Уксуса Четырех Воров тоже помогало – я видел это своими глазами. Но полного лекарства нет, господин, и многие умирают еще до начала лечения.

– Интересно, – пробормотал ты, поднимая лист бумаги. По голосу было слышно, что тебя интересует не лекарство, а лишь болезнь. Доктор озадаченно наблюдал, как ты, ведя ногтем по странице, изучаешь каждую деталь. Почувствовав едва заметную перемену в твоем настроении, я придвинулась ближе.

Ветер переменялся. Ты сделал для себя какой-то вывод.

– Кому в деревне известно, что ты здесь? – спросил ты, не отрывая взгляда от бумаги.

– Никому, господин, – сказал доктор, и у меня свело судорогой живот. Честный мальчик, значит, глупец. – Я пришел один, по собственной воле.

– Славно, – сказал ты, откладывая бумагу и улыбаясь ему. – Славно.

Ты бросился к нему прежде, чем он успел закричать, схватил его за волосы и откинул его голову назад, обнажая горло. Зубы вонзились в плоть, будто иглы в шелк, и ты принялся

пить, крепко держа его и не обращая внимания на хрипы и булькающие звуки. Затем его трахея разорвалась и быстро заполнилась жидкостью. Маска упала на пол, и у твоих ног рассыпались цветы. Кровь стекала на них по шее – от острого запаха железа рот наполнился слюной.

К тому времени насилие стало для меня привычным, но у меня все равно скрутило желудок. Я думала, ты оставишь его в живых. А может быть, лишь надеялась на это.

Ты толкнул его извивающееся тело на стол и стал вытирать рот кружевным носовым платком, пока он задыхался, как бьющаяся на крючке рыба.

– Пей, Констанца. Силы тебе понадобятся.

Я стояла, вцепившись побелевшими пальцами в подол платья, и смотрела, как мальчишка медленно истекает кровью. Его страдания выглядели соблазнительно, но как бы мне ни хотелось припасть к луже крови, расплзавшейся на столе, меня жег изнутри один вопрос – и он взял надо мной верх.

– Он их единственный врач, – выдавила я. В животе защемило. – Без него люди погибнут от чумы. Зачем нам его убивать?

– Потому что он слишком умен, чтобы жить, и от него слишком много проблем. Если жители деревни услышат, что он ходил отстаивать их интересы перед бессердечным аристократом, если начнут умирать и не дождутся помощи с холмов, они ополчатся на нас. Стоит им решить, что их спасет моя казна, и они ворвутся в поместье, даже если будут практически мертвы и перестанут трезво соображать от чумы. Я уже видел подобное.

Доктор прижал дрожащую руку к рваной ране на шее, сквозь его пальцы сочилась кровь. Он бросил на меня умоляющий взгляд, беззвучно шевеля губами.

– Он еще не умер, – сказала я. – Возможно, он сможет выжить.

– Нет, он увидел слишком много. Если хочешь сегодня поужинать, то приступай. Мы не сможем останавливаться, чтобы поесть в дороге.

– В дороге? – повторила я, почти что взвизгнув. Комната начала вращаться у меня перед глазами все быстрее и быстрее. Я вдруг почувствовала дикий голод.

– Мы уезжаем, – объявил ты, уже выходя за дверь и поднимаясь по лестнице. – Сегодня же ночью.

Я подавила подступившие к горлу слезы и голод. И моя решимость треснула. Я издала тихий жалобный звук и бросилась на все еще дышавшего доктора. Обхватила ртом алую рану и крепко держала его, пока он бился подо мной в конвульсиях. Горячая кровь била мне в рот все более слабеющими струями, и вскоре на столе уже лежало мертвое тело.

Я вытерла рот краем рукава, чувствуя, как слезы обжигают глаза, а затем вышла, почти что выбежала из комнаты. Окровавленные цветы под моими ногами рассыпались в пыль.

Ты был наверху, складывал наши вещи в большие сундуки. Мои туфли, платья, мои швейные иглы и шпильки. Все было аккуратно уложено, будто сундуки предстояло везти на рынок для продажи.

– Отвяжи лошадей, – приказал ты. – Подведи их к экипажу.

Ты всегда держал в конюшне пару сильных черных кобыл и на протяжении всей нашей жизни иногда заменял их точно такими же. Как бы ты ни стремился к новшествам, твоя домашняя жизнь должна была оставаться неизменной.

– Почему мы бежим? – спросила я, все еще немного не в себе после недавнего ужина. На полный желудок крови мне всегда хотелось свернуться калачиком и как следует вздремнуть. – Мы не можем заболеть или умереть. Ты сам говорил. Нам ничего не угрожает.

Ты оторвался от своего занятия и сделал глубокий вдох. Потом посмотрел на меня такими темными и затравленными глазами, что я чуть не отшатнулась.

– Я уже видел подобное. Эпидемии приходят и уходят – а потом снова возвращаются, Констанца. Это один из величайших постоянных факторов жизни. Мы не поддадимся болезни,

но поверь мне на слово: когда она настигнет город, нам придется несладко. Ты не хочешь знать, как выглядит цивилизация, когда половина ее населения умирает на улицах.

Я инстинктивно поднесла руку ко рту, словно пытаюсь отогнать миазмы.

– Разумеется.

Ты захлопнул крышку сундука, быстро и надежно закрыл его на защелку.

– Я был еще мальчишкой, когда то же самое произошло в Афинах. Но память у меня цепкая, и я не смогу забыть увиденное ни через сто, ни через тысячу лет. Мы уезжаем. Заканчивай с вещами.

Той ночью мы сбежали в скрипучем экипаже, набитом самыми ценными нашими вещами.

Те годы в моей памяти слились в одно темное пятно; все плывет и размывается. Чума лишает жизни не только жертв, но и целые города, замораживает торговлю, разоряет церковные приходы, отгоняет от любовного ложа, превращает взросление детей в танец со смертью. Но что самое главное, она крадет время. Проведенные взаперти в лечебнице дни сливаются в однообразный серый водоворот. Чумное время чувствуется иначе, оно растягивается, замедляется – признаюсь, я мало что помню из десятилетий, которые мы провели, переезжая из города в город в поисках очередного ненадежного убежища, в городские ворота которого тоже вскоре неумолимо стучалась болезнь.

Но, в конце концов, чума выгорела дотла. Мы уже могли оставаться в городах на более длительное время, и я перестала ощущать тошнотворный привкус болезни в крови каждой новой жертвы. В конце концов, настало время выбрать новый дом, пустить корни и снова выстроить нашу маленькую империю из крови и золота.

Твой пронизательный взгляд пал на Вену – в Вену мы и отправились.

Вена для моего провинциального сознания казалась вихрем звуков и красок, и в целом она была к нам добрее, чем Румыния. Мы вместе кружились в сияющей новизне 1452 года – одна из немногих дат, которые я помню отчетливо. Город чествовал австрийского императора Священной Римской империи и упивался своим политическим и коммерческим превосходством крупного центра торговли.

Ты купил один из прекрасных особняков на рыночной площади – я не могла ни сосчитать, сколько у тебя было золота, ни проследить, откуда оно появлялось, – и наполнил его всеми удобствами, которые только можно было купить за деньги. Внезапно для себя я нырнула в город, где могла в любой момент щелкнуть пальцами и в моем распоряжении оказывались любые портнихи, горничные, ювелиры и мясники. Людей звали в дом, чтобы снять с меня мерки для платьев и доставить изысканную мебель; они уходили так же быстро, как и приходили, но мое сердце все равно трепетало каждый раз, когда раздавался стук в дверь.

Я так привыкла к твоему обществу, что забыла, в какой восторг приводили меня другие люди, но Вена вернула меня к жизни. Я видела это в зеркале: глаза снова блестели, на помертвевших щеках появился призрак румянца. Я будто опять влюбилась – но вместо того, чтобы пылать страстью к повелителю смерти, я была влюблена в кипящую, шумную неразбериху жизни за пределами дома. Я привыкла рано просыпаться, чтобы, устроившись в постели и укрывшись от проникающего сквозь окна жгучего света, наблюдать, как городские жители спешат домой на ужин.

Тебя же не впечатляли визжащие на улицах дети или прачки, в любое время дня и ночи перекрикивающиеся друг с другом на городской площади. Тебя манил лишь университет, и ты часами бродил по лекционным залам с блокнотом в перепачканных чернилами пальцах. Я все еще была не совсем уверена, что ты изучал: карты, абак или обескровленные трупы, которые ты мог рассмотреть, не теряя головы. Но ты выскальзывал на улицу в сумерках, чтобы посетить

как можно больше вечерних занятий, и возвращался с залегшей между бровями морщиной, говорившей о напряженной работе мысли.

В те дни мы охотились вместе: ты высокой тенью следовал за мной по узким переулкам. Весь город был нашим охотничьим угодьем, и еды в самых темных уголках Вены было много. Ты предпочитал хорошеньких девушек с горящими надеждой глазами или юных студентов-собутыльников, которых ты поражал своим умом. Но я так и не переросла свою жажду мести и охотилась только на самых порочных членов общества. На мужчин – всех тех, кто на моих глазах плевал в детей-попрошаек или хватал уличную девушку за руку так сильно, что у той оставались синяки. С особым садизмом я обходилась с серийными насильниками и любителями распускать руки. Я мнила себя прекрасным божьим ангелом правосудия, пришедшим, чтобы обнажить меч божественного гнева против тех, кто действительно этого заслуживал.

Ты с присущим тебе цинизмом высмеял мои высокие устремления.

– Мы не вершители правосудия, Констанца, – сказал ты, когда я сбросила в выгребную яму тело выпитого мною негодяя. Судья, хорошо известный в городе тем, что сквозь пальцы просматривал свои грессбухи и таскал жену по дому за волосы, когда был на нее зол. – Когда кончится твой нелепый крестовый поход?

– Для женщины, которой больше не нужно съезживаться от страха, в нем нет ничего нелепого, я уверена, – сказала я, принимая из твоих рук носовой платок и вытирая рот.

– Не останется ли она без гроша в кармане без доходов мужа, на которые жила до этого?

В тот день ты, как это бывало иногда, был несговорчив, и я изо всех сил старалась не обращать на это внимания.

– И бедняки, которым после его смерти не будет угрожать нищета, не назвали бы это нелепостью.

– «Ибо нищих всегда имеете с собою»; разве не так говорил ваш Христос? – спросил ты с насмешкой.

Я отпрянула. Неожиданное резкое слово от тебя могло сравниться с пощечиной от любого другого мужчины, а в последнее время ты становился все более вспыльчивым. Вена раздражала тебя с той же силой, с какой она позволяла расцвести мне. Только позже я поняла: ты стал раздражительным *именно* потому, что я расцвела, потому что в моей жизни внезапно появилось очень много источников радости помимо тебя рядом.

– Почему я не могу питаться там, где мне заблагорассудится? Ты же именно так и делаешь. Так много юных умов погибло в самом расцвете сил...

– Ты меня критикуешь? – спросил ты смертельно тихим голосом. И вдруг оказался очень близко: обычно, когда ты так нависал надо мной, я чувствовала себя защищенной, но в тот раз это произвело на меня обратный эффект.

Я попятилась и ушибла икру о лоток, набитый гниющей капустой.

– Нет. Нет, конечно, – ответила я сдавленно. То был голос испуганной девчонки, а не женщины.

– Хорошо. – Ты потянулся ко мне, и в твоем взгляде вдруг снова появилась нежность, голос стал вкрадчивым и сладким. – К чему этот мрачный взгляд, моя дорогая? Давай поищем себе новых развлечений. В городе сейчас бродячие артисты; хочешь на них посмотреть?

Я улыбнулась смущенно, но в то же время радостно. С тех пор как мы переехали в Вену, во мне горела ненасытная страсть к театру, и стоило нам оказаться в толпе, я старалась разглядеть фрагменты моралите. Но ты не терпел «банальных» развлечений и всегда жаловался, что после падения Афин люди потеряли талант к драматическому искусству. Красочное представление бродячих артистов при свете факелов – именно так я представляла себе отличный вечер; но я сомневаюсь, что ты придерживался того же мнения.

– Да, очень хочу.

Ты великодушно улыбнулся и обнял меня, уводя от выпитой жертвы навстречу ночи, полной представлений пожирания огня и предсказаний судьбы. Я была очарована изяществом и талантом исполнителей, но все равно время от времени бросала на тебя нервные взгляды. В подрагивающем свете факелов ты иногда казался мне совсем другим. В твоих глазах была темнота, ты плотно сжимал губы; этого я раньше не замечала – или, возможно, не хотела замечать.

Светлое пятно, которым стала в моей памяти Вена, расчерчено и другими тенями. Тогда я не понимала, с какой силой ты презираешь человеческое общество. К нам в дом приходила вышивальщица: она украшала манжеты рукавов и корсажи моих платьев замысловатыми узорами. Молодая женщина с ясными глазами, примерно того же возраста, в котором была я, когда ты сделал меня своей. У Ханны был звонкий смех, смуглая кожа и тугие локоны, которые она всегда собирала в пучок. Она была умной, милой и умела создавать целые пейзажи крошечными стежками ниток.

Мы наслаждались совместным времяпрепровождением, обществом друг друга, и я начала приглашать ее в дом все чаще, всегда под предлогом того, чтобы в последний момент расшить какую-нибудь подушку или сорочку. Мы делились своими историями и секретами, много смеялись, пока она работала. Я изо всех сил старалась ставить перед ней тарелки с сыром и яблоками, хотя к тому времени уже начала терять вкус к пище смертных. Думаю, если бы мне предоставили такой шанс, я могла бы ее полюбить.

– Кто это? – резко спросил ты однажды, когда она ушла. Я наблюдала за ней из окна гостиной, восхищаясь тем, как кружился вокруг ее ног зеленый плащ.

– Ханна? – спросила я в ответ, вынырнув из своих мыслей. Ты явно знал и ее имя, и ее ремесло. Ты всегда был дома, когда она приходила, запирался в своей подвальной лаборатории или читал наверху, в нашей комнате.

– И кем ты считаешь эту Ханну? – Ты выплюнул ее имя, будто ругательство.

Я отшатнулась, вжимаясь спиной в изящную спинку стула.

– Она моя... вышивальщица? Моя подруга, она...

– Тебя обуяло постыдное увлечение слабой смертной девчонкой, – огрызнулся ты, пересекая комнату; ты схватил подушку, на которой она вышила маргаритки и певчую птицу, и оскалился, – торговкой безделушками.

Ты бросил подушку на диван рядом со мной, с силой чуть большей, чем требовалось.

– Что на тебя нашло? – спросила я. Сердце билось где-то в глотке, я дышала часто и неглубоко. Я чувствовала себя так, будто пропустила смертельно важный разворот в нашем танце.

– Ты хочешь сбежать и жить с ней в ее лачуге, как какая-то деревенщина, не так ли?

– Что? Нет! Мой господин, я бы никогда... Я люблю тебя! Ты и только ты владеешь моим сердцем.

– Не трудись, – сказал ты. Твоя ярость сменилась изнеможением. Плечи поникли, нахмуренные брови жалко разъехались. Тебя вдруг обуяла грусть, как будто ты вспомнил о какой-то полузабытой трагедии.

Я неуверенно встала со стула и подошла к тебе.

– Я бы никогда тебя не оставила, любовь моя. Ни разу за всю мою вторую жизнь. – В твоих глазах было так много боли и подозрения, но ты позволил мне протянуть руку и нежно прижать ее к твоей груди. – Клянусь.

Ты кивнул, проглатывая новые слова, грозившие вырваться наружу и выдать тебя. Но что именно выдать? Какое-то тайное горе из прошлого, которое ты переживал в мучительном одиночестве?

– Что-то случилось? – тихо спросила я. Я вдруг почувствовала себя совершенно бесполезной, как будто внутри тебя разлилась бездна боли, в которую не могла вытеснить даже моя

нежная любовь. Шрамы, которые ты не позволял мне даже увидеть, не говоря уже о том, чтобы залечить.

Ты тяжело вздохнул и провел рукой по моей щеке, оценивающе глядя на меня. А затем, словно решившись, наклонился и поцеловал меня в лоб.

– Ничего, Констанца. Прости мне мою вспыльчивость.

С этими словами ты ускользнул прочь, оставив меня в замешательстве и одиночестве.

После этого ты уехал на два дня. Я до сих пор не знаю куда. Ты не предупредил меня, не объяснил, просто однажды вечером взял свою шляпу и выскользнул из дома, когда я еще спала. Я смутно помню, как видела на городской площади твою удаляющуюся фигуру, темную и ссутуленную. Ты ничего не сказал, когда вернешься, и как только стало ясно, что ты не просто вышел подышать свежим воздухом или по делам, меня охватила паника. Я не провела без тебя ни дня с тех пор, как ты меня нашел; и я с ужасом осознала, что понятия не имею, кем я была, если бы тебя не было рядом.

Ты был мертв и обезглавленный лежал где-то в грязи? Я точно не знала, что может убить таких, как мы, но в твоём представлении одним из таких способов было обезглавливание.

Я сделала что-то не так? Ты бросил меня, потому что я развлекалась с Ханной, жадно смотрела на город и его прелести? Я перебирала каждый свой неосторожный шаг, сгрызая до крови ногти и бесцельно бродя по комнатам. Город звал меня, и я отчаянно не хотела оставаться одна, но вдруг ты бы вернулся и понял, что меня нет на месте? Я бы провалила еще одно твоё таинственное испытание и доказала свою слабость? Я отсылала мастеров, когда они стучались в дверь, даже мою драгоценную Ханну, с которой я больше не обменялась ни словом. Я чувствовала, что обратное было бы предательством по отношению к тебе.

Целых два дня я горела. Исходила холодным потом, будто организм пытался очиститься от опиума. Я корчилась в нашей супружеской постели, простыни липли к моей желтоватой коже, а страдание вкрадчиво касалось меня своими обжигающими пальцами. Я молила Бога, чтобы небеса разверзлись и пролили на меня дождь, который погасил бы это пламя, но так и продолжала лежать одна, в тлеющем огне болезненной лихорадки.

А затем, на второй день поздно вечером, ты появился у двери. Ты стоял на пороге, на плечах твоего плаща блестели капли хрустального дождя, твои жестокие губы покраснели от холода и выглядели еще прекраснее, чем когда-либо прежде.

Я упала к твоим ногам и плакала, пока было чем плакать, мои длинные волосы траурной вуалью покрывали твои башмаки. Ты не пытался меня поднять, пока я не задрожала, а потом заключил в объятия и завернул в свой плащ. Ты пригладил мои волосы и успокоил меня, укачивая, как младенца.

– Все в порядке, моя драгоценность, моя Констанца. Я здесь.

Я вцепилась в тебя крепко, как в саму жизнь, позволила подхватить меня на руки, будто куклу, и нежно отнести в нашу спальню.

Ты казался мне полыхавшим в лесу пожаром. Меня привлекала твоя манящая, подернутая дымкой тьма, которая все еще будоражит воспоминания о безопасности, об осени, о доме. Я касалась тебя так же, как касалась бы любого другого мужчины, пытаюсь ясно передать свою близость к тебе и свое нетерпение, создать подобие близости между нами. Но это было все равно, что хвататься за пламя. Я так ни разу и не смогла проникнуть в твоё пылающее сердце и уходила всегда с пустыми, обожженными пальцами.

Всякий раз, когда мы были порознь, в моих волосах, в моей одежде витал твой аромат. Я чувствовала его вкус на ветру, я дрожала и жаждала его. Пока ты был далеко, я могла думать лишь о тебе, а потом ты возвращался.

Я с радостью была готова провести бесчисленные жизни в погоне за твоим теплом, даже несмотря на то что мои глаза застилал туман.

Я до сих пор иногда просыпаюсь от запаха дыма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.